

Я тебя (не) люблю

БЫВШАЯ

Оксана Алексаева

Бывшая. Я тебя (не) любил

«Автор»

2026

Алексаева О.

Бывшая. Я тебя (не) любил / О. Алексаева — «Автор», 2026

— Ты не любишь жену, я же вижу. И не только я, все это видят. Замираю, вцепившись пальцами в кору дерева. Это голос Виолетты, а напротив неё Мой муж.— Дамир, кто я для тебя? Помощница или та женщина, которая готова подарить тебе детей, хранить очаг?— Мой очаг есть кому хранить, Виола.
— Но я так не могу больше! — она всхлипывает. — Я хочу быть с тобой!— Хватит устраивать мне сцены. Знай своё место.— Ну и зачем ты с ней?— Да, ты прекрасная помощница и не только. Но от жены я не уйду.— Да почему?! Она тебя что, кандалами приковала?— Ксюша удобная, тихая, покладистая, — отвечает муж спокойно, почти лениво. — Мне такая нужна. Слова против не скажет. Общество считает нас идеальной парой, и я не хочу ничего менять.
— Но как же любовь?— Любовь? — Дамир грубо усмехается. — Я в неё не верю. Почему-то именно эти слова ударяют сильнее всего. Ноги подгибаются, а затем меня накрывает очередной рвотный позыв. И, к сожалению, меня замечают.— Кто здесь?!

© Алексаева О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Оксана Алексеева

Бывшая. Я тебя (не) любил

Глава

Глава1

Ксения

Вылетаю из зала ресторана почти бегом, даже не оглядываясь. Платье слишком лёгкое для такого мороза, но сейчас меня это не сильно волнует. Ледяной воздух сразу бьёт в лицо, обжигает кожу, но мне плевать. Мне сейчас важнее не замёрзнуть, а не вырвать прямо там, при всех.

Знаю, что Дамир будет ругаться, если увидит меня сейчас. Знаю, что он скажет: «Ты с ума сошла? Ты же простынешь!»

Но сейчас я просто не могу иначе. Меня мутит так, что мир перед глазами плывёт, а шум зала до сих пор звенит в ушах.

Мне нужен воздух. Срочно.

Отбегаю подальше, в самый тёмный угол внутреннего дворика, ближе к кустам, туда, где свет фонарей почти не достаёт. Не хочу привлекать внимание. Не хочу, чтобы кто-то увидел жену именинника в таком удручающем виде: бледную и согнутую пополам от рвотного позыва.

Опираюсь ладонями о холодный ствол дерева и делаю глубокий вдох.

Ещё один. И ещё...

Состояние отвратительное. Голова кружится, ноги едва держат меня. Но я уговариваю себя терпеть, потому что оно того стоит, ведь я беременна и беременность долгожданная. Та самая, о которой я уже почти перестала мечтать.

Она наступила внезапно: именно тогда, когда я потеряла надежду. Нет, мы ждали не так уж долго, всего два года, но для меня этот срок растянулся в вечность. Каждый отрицательный тест был как маленький конец света, каждая попытка становилась всё безнадежнее.

И вот бац: две полоски.

Я до сих пор помню, как смотрела на них и не могла поверить, как сидела на краю ванны и тихо плакала, чтобы никто не услышал.

Сегодня праздник, юбилей у моего мужа.

Дорогой ресторан, гости, музыка, улыбки: какие-то искренние, какие-то фальшивые. Таков статус у Дамира, он всегда отмечает подобные празднества с большим размахом. И когда пару дней назад я увидела полосатый тест, мне сразу пришла идея для подарка. Лучшего и быть не может.

Я уже тысячу раз прокручивала в голове этот момент. Как поднимусь, как улыбнусь, как при всех ему скажу... Как Дамир замрёт, наверняка сначала не поймёт, а потом его лицо озарится. Боже, так хочется увидеть эти неопишуемые эмоции и испытать их самой.

Делаю ещё один шумный вдох, решаю, что пора вернуться, так как начинаю замерзать, и вдруг слышу голос неподалёку.

— Ты ведь не любишь её. Я же вижу, и не только я. Все это видят. Голос суховатый, с насмешкой. И... такой знакомый.

Я замираю, вцепившись пальцами в кору дерева. Сердце бьётся быстрее, но не от холода. Это же... Точно!

Виолетта, помощница Дамира. Она работает с ним уже несколько лет, считай, правая рука. Она курирует сделки, переговоры, сопровождает его на важных встречах. Дамир — владелец крупного строительного холдинга, один из самых влиятельных людей в городе, и Виолетта всегда рядом: собранная, уверенная, готовая решить любой вопрос. Дамир ценит её за то, как она умеет разруливать конфликты или какие-то мелкие неурядицы.

Вау. Какие разворачиваются страсти. Я машинально делаю шаг в тень. Мне бы уйти, но любопытство берёт верх.

Интересно, о ком она говорит?

Насколько я знаю, у неё нет мужа. Может, она любовница кого-то из его коллег?

Меня снова подташнивает, но холодный воздух помогает. Я решаю остаться, хотя бы на минуту.

— Дамир, кто я для тебя? — голос Виолетты дрожит, но в нём всё равно слышна напористость. — Помощница или... Та самая женщина, которая готова и хочет быть рядом? Подарить детей, хранить твой очаг?

Что?

У меня темнеет в глазах. Мне кажется, что я ослышалась.

Дамир? Это имя довольно редкое и совпадений тут быть не может.

— Мой очаг есть кому хранить, Виола, — в подтверждение моим догадкам раздаётся знакомый голос... Голос моего мужа.

Сердце будто пронзают чем-то острым. В горле тут же встаёт ком, дыхание сбивается.

— Я... Дамир, я так не могу больше! — она всхлипывает. — Я хочу быть с тобой!

С трудом удерживаюсь на ногах. Всё внутри сжимается так, будто меня выворачивают наизнанку. Кажется, меня вот-вот вырвет.

— Прекрати устраивать мне сцены. Хватит, Виола. Знай, в конце концов, своё место. Я не оставлю жену.

— Ну и зачем ты с ней? — срывается она. — Ты на неё даже так не смотришь, как на меня...

Сквозь кусты вижу их силуэты. Дамир стоит близко, слишком близко. Кажется, он берёт Виолетту за подбородок.

— Виола, ты прекрасная помощница... — его голос хриплый. — И не только. Но от жены я не уйду.

— Да почему?! Она тебя что, кандалами приковала?

— Ксюша удобная, тихая, покладистая, — отвечает он спокойно, почти лениво. — Мне такая и нужна. Слова против не скажет. Мы с ней красиво смотримся вместе, всё внимание на нас. Это статус. Общество считает нас идеальной парой. Я не хочу ничего менять.

Каждое его слово подобно удару. Такому точному и холодному, словно знает все мои больные точки.

— Но как же любовь?

— Любовь... — Дамир грубо усмехается. — Я в неё не верю.

И почему-то именно эти слова ударяют сильнее всего. Мне больно так, что грудь буквально выворачивает. Мир качается, ноги подгибаются, и в следующий миг вновь накрывает очередной рвотный позыв, меня выворачивает прямо на землю.

И, к сожалению, меня замечают.

— Кто здесь?! — резко шипит Виолетта.

Я вздрагиваю. Страх быть пойманной накрывает мгновенно, я срываюсь с места и бегу, глотая слёзы, не разбирая дороги, не чувствуя холода.

Только одна мысль пульсирует в голове: этот день ты запомнишь надолго, Дамир.

Глава 2

Ксения

Забегая в ресторан почти на автопилоте, не разбирая дороги, не глядя по сторонам. Сердце колотится где-то в горле, дыхание сбито, в висках стучит. Я хочу только одного: оказаться внутри, среди людей, света и музыки. Подальше от кустов, от шёпота их голосов, от слов, которые уже не вытравить из головы.

Делаю ещё шаг, и тут же в кого-то врезаюсь.

— Ксения! — раздаётся звонкий, возмущённый вопль. — Да что ж ты нелепая такая! Смотри, куда идёшь!

Я вздрагиваю и поднимаю глаза. Тамара Анатольевна.

Свекровь демонстративно морщится, оглядывая меня с ног до головы, будто я не человек, а досадная клякса на её идеально белой скатерти. Потом женщина закатывает глаза с таким видом, словно сдерживается, чтобы не перейти грань.

Она и раньше меня не жаловала, но вот сейчас смотрит так, будто готова собственноручно развести для меня костёр.

— Извините... — едва слышно отвечаю я, чувствуя, как дрожат колени.

В голове, как заевшая пластинка, крутятся слова. «Любовь? Я в неё не верю...»

«Ксюша спокойная, тихая, покладистая... С ней очень удобно играть роль идеального семьянина...»

Три года брака. И выходит, что я не знала своего мужа совершенно. Эти фразы клином врезаются в мозг, не дают покоя, не дают вдохнуть полной грудью.

— А где мой сын? — резко спрашивает Тамара Анатольевна. — Ты его не видела?

Мне так хочется сказать правду, так хочется съязвить. Сказать, что её Дамирчик сейчас прохлаждается со своей помощницей в кустах, трогает её за подбородок, а может и другие причинные места и рассуждает о том, как удобно иметь жену-декорацию.

— Нет, Тамара Анатольевна, — сухо отвечаю я. — Понятия не имею, где он.

Сглатываю, подавляя тошноту. Горло сжимает горечью, в животе всё скручивает.

— А зря, — усмехается она. — За таким, как мой Дамирчик, глаз да глаз нужен. А то ненароком уведут, — она хитро подмигивает, словно получает удовольствие от собственных слов.

У меня же внутри всё закипает.

— Он не баран, чтобы его уводить, — фыркаю я, с трудом удерживая себя в руках. Женщина смотрит на меня пристально, цепко. Будто знает, будто чувствует, что я уже в курсе его интрижки и теперь нарочно хочет добить.

Возможно, так и есть.

— Мужья уходят, — медленно тянет она. — Когда зацепить их больше нечем. Когда жена не заботится, думает только о себе, когда дитя рожать никак не хочет...

Я стискиваю челюсть так, что начинает ломить в висках. Дышу часто и тяжело, но молчу.

Всё-таки это мать моего мужа. Ладно, почти бывшего мужа, но опускаться до уровня этой женщины я не желаю.

— Ты девка красивая, конечно, — продолжает она, морщась. — Но такая глупая. Что, небось, фигуру испортить боишься? Или для себя пожить хочется? А мой Дамирчик наследника знаешь как ждёт?!

Каждое слово как по живому. Если бы она знала...

Если бы знала, что мы с её сыном давно хотели ребёнка, что я плакала ночами, сколько раз держала в руках пустые тесты. Что мы специально говорили всем, будто «живём для себя», лишь бы не слышать этих болезненных вопросов.

— Не переживайте, Тамара Анатольевна, — слащаво улыбаюсь я, чувствуя, как губы немеют. — Успеем. У нас вся жизнь ещё впереди.

Я обхожу её и иду в зал, не оборачиваясь.

Личного общения с этой женщиной я всегда старалась избегать именно из-за её колких фразочек, ядовитых намёков, вечного ощущения, что я «не дотягиваю».

Хорошо, что сдержалась, хотя очень хотелось сказать лишнего. Сажусь за стол, хватаю стакан воды и делаю несколько жадных

глотков. Становится чуть легче физически. Тошнота отступает, тело перестаёт трясти.

А вот внутри... пустота. Морально я разбита. Раздавлена. Уничтожена.

Мне так больно, что дышать невыносимо.

Музыка играет, гости смеются, официанты снуют между столами, а я чувствую себя здесь чужой. Лишней. Будто случайно заглянула не туда.

Наконец в зал входит Дамир. Идеально собранный, улыбчивый, уверенный в себе. Словно не он только что уничтожил мой мир безвозвратно. Через несколько минут появляется и Виолетта. В красном, безупречном платье. Яркая. Демонстративно яркая. Она нарочно выжидала время, чтобы ни у кого не возникло вопросов. Наверное, и я бы ничего не поняла, если бы случайно не подслушала их разговор.

— Заскучала? — спрашивает Дамир, наклоняясь и целуя меня холодными губами в щёку.

— Немного, — отвечаю я и натянуто улыбаюсь. — Ты где был?

Я делаю вид, что ничего не случилось, что я ничего не слышала, что мне сейчас совсем не больно.

— Да так, с коллегами общался, — с непревзойденной легкостью улыбается он. — Заболтались немного.

Так, будто не он пару минут назад говорил о том, что я всего лишь удобный аксессуар к его безупречному имиджу.

— Ясно, — сухо бросаю я.

Музыка вдруг затихает. Ведущий выходит в центр зала с микрофоном.

— Дорогие гости! — объявляет он. — Прошу минуточку вашего внимания! Жена нашего дорогого именинника приготовила для него сюрприз! Ксения, прошу!

Он делает приглашающий жест и протягивает мне микрофон. Я неуверенно встаю.

Ещё пару дней назад я точно знала, что скажу. Я заранее договорилась с ведущим, готовила трогательную речь, собиралась объявить о беременности при всех.

А сейчас я понимаю, что ни за что этого не сделаю. Не так, не для него и уж тем более не в этот день.

Значит...

Придётся импровизировать.

Глава 3

Ксения

Волнуюсь. И нет, дело совсем не в публице.

Я работаю журналистом и давно привыкла к камерам, к микрофонам, к десяткам глаз, впивающихся в меня в ожидании слов. Я умею держаться ровно, спокойно, уверенно, даже когда внутри шторм.

Но сейчас всё иначе.

Я волнуюсь потому, что впервые за всё это время не знаю, что сказать мужу. Внутри пусто, будто выжгли всё дотла. Даже тошнота отпустила.

Ни слёз, ни истерики, только холодная тишина, от которой становится страшно.

Стою в центре зала и замечаю взгляд Виолетты. Хитроватый, оценивающий. Он скользит по мне медленно, цепко, словно она сравнивает нас, измеряет, взвешивает.

И от этого по коже выступают колючие мурашки.

Дрянь. Как не стыдно вести шашни с женатым мужчиной?!

И тут в голове снова всплывают слова Дамира, сказанные спокойно, почти небрежно: «Любовь? Я в неё не верю...»

Горько усмехаюсь про себя. Хотя какой это брак? Выходит, что просто фикция.

Я думала, у нас семья, любовь, партнёрство. А Дамир... Дамир так не думал совсем.

В памяти всплывает день нашего знакомства, я тогда брала у него интервью. Обычное, рабочее, даже не думая тогда, после после этого моя жизнь разделится на «до» и «после». Дамир сидел напротив, такой красивый, уверенный, харизматичный, и смотрел на меня так, что я это сразу заметила: он был мной заинтересован.

Я привыкла к мужскому вниманию, у меня довольно привлекательная внешность: длинные светлые волосы, стройная фигура, аккуратные черты лица. Мама всегда говорила, что с такой внешностью я добьюсь многого.

И добилась. Вот только счастья в этом списке почему-то не оказалось...

Сердце разбито, муж не любит. Он просто повёлся на красивую картинку, наплевав мне в душу.

Я вспоминаю, как Дамир ухаживал за мной. Как писал, звонил, приезжал, делал сюрпризы. Тогда мне казалось, что он и правда звезду с неба достанет ради меня.

И я сдалась. Попалась в его сети. Растворилась в нём без остатка. Через три месяца он сделал предложение. Ещё через месяц мы поженились...

Многие удивлялись нашей спешке, мои родители просили не торопиться.

Тамара Анатольевна и вовсе схватилась за сердце, когда Дамир объявил ей о нашей свадьбе и твердо заявил, что это решение не обсуждается.

И я была уверена, что он тот самый, что мы будем вместе всегда. Как же наивно...

Оказывается, Дамир просто сделал выгодный ход. Ради репутации, статуса, образа примерного семьянина.

А помимо Виолетты... Господи.

А если помимо неё у него были ещё женщины? Эта мысль накрывает ледяной волной и внутри всё сжимается от отвращения.

Я делаю глубокий вдох и наконец поднимаю микрофон. — Дамир, — обращаюсь я к мужу.

Он ловит мой взгляд и улыбается. Так тепло и уверенно, словно я — самое дорогое, что у него есть.

Лицемер.

— Ты очень дорог мне, — начинаю я ровным голосом, почти без дрожи. — Я искренне тебя люблю...

Краем глаза замечаю, как Виолетта едва заметно кривится. Боже, и как я раньше не видела её фальши? Она казалась мне милой, приветливой, почти подругой.

А на деле... Спала с моим мужем. Замечательно.

Я даже не думала ревновать Дамира к ней. Я была уверена: тот, кто любит, не предаст. Как же я ошибалась...

— Знаешь, когда я встретила тебя, — продолжаю я. — Моя жизнь кардинально поменялась.

Тамара Анатольевна демонстративно зевает и морщится, всем своим видом показывая: «давай, заканчивай уже эти сопли.»

Ничего, дорогая свекровь. Скоро всё закончится.

Порядка ста человек сейчас смотрят на меня. Родственники, друзья, коллеги Дамира. Все улыбаются, ожидая красивой речи.

Жаль только, что моих родителей здесь нет. Всему виной их работа и расстояние...

Мама всегда с опаской относилась к Дамиру и была права. Наверное, даже к лучшему, что они не увидят того, что произойдёт сейчас. У папы слабое сердце, он бы не вынес.

— Ты был моим смыслом жизни, Дамир, — говорю я и делаю паузу. — Пока... пока ты не предал меня.

И вот тут в зале становится тихо. Я вижу, как лицо Дамира меняется: улыбка сползает, взгляд становится растерянным, шокированным, словно его застали на месте преступления.

— Я знаю... — не останавливаясь, я должна высказать всё, что горит внутри. — Что ты спишь со своей помощницей. С Виолеттой.

По залу прокатывается волна оханий и аханий. Виолетта, явно не ожидав такой огласки, краснеет, словно рак. Глаза широко раскрыты, губы дрожат. Даже свекровь в шоке, кажется, ещё немного, и глаза у неё действительно выпадут из орбит.

— Поэтому я объявляю о разводе.

Шок у всех без исключения. Тишина вокруг. Застывшие лица. Дамир смотрит на меня так, будто это я его предала.

Плывать.

Пусть все знают, какой он на самом деле подонок.

— Ты сказал, что не веришь в любовь, — произношу я, чувствуя, как голос начинает меня предавать, в нём появляется нервная вибрация. — А я верю в ненависть. Так вот, Дамир... Я тебя ненавижу.

Выдаю это с таким нажимом, что кажется, голос вот-вот сломается.

— Спасибо за внимание, — добавляю я.

Затем передаю микрофон ошарашенному ведущему, разворачиваюсь и выхожу из зала.

Глава 4

Ксения

Выбегаю из зала, почти не чувствуя ног.

Коридор кажется бесконечным: длинный, узкий, с холодным светом ламп, которые режут глаза. Каблуки скользят по гладкому полу, шаги гулко отдаются в ушах. Колени подкашиваются, дыхание сбивается, сердце колотится где-то в горле.

Честно, я в шоке от самой себя. От того, что смогла сказать это вслух. Признаться на публике, что мой муж изменяет мне со своей помощницей.

За спиной доносится шум: крики, охи, вздохи. Чужие голоса смешиваются в звонкий гул.

— Я с самого начала её невзлюбила! Знала, что эта дрянь нанесет удар исподтишка! — визгливо орёт Тамара Анатольевна. — Всё, что она сказала, откровенная ложь! Ложь! Не слушайте её!

Конечно, я ведь всегда была удобной мишенью для свекрови. Даже не сомневалась, что она до последнего будет горой стоять за своего драгоценного сыночка.

Почти добегаю до двери, уже вижу её: спасительную, тяжёлую, ведущую наружу, как вдруг мою руку резко дёргают назад. Больно. Так, что в глазах вспыхивают искры, а дыхание на секунду сбивается. Не удерживаюсь и вскрикиваю, теряя равновесие.

Оборачиваюсь и вижу перед собой Дамира.

Его лицо перекошено от ярости, губы сжаты в тонкую линию, глаза тёмные, злые, совсем чужие. В этом взгляде нет ни капли того мужчины, за которого я когда-то вышла замуж. Он сжимает мой локоть так, будто действительно хочет оставить синяк, словно боль — единственный язык, на котором он сейчас умеет говорить.

— Что ты наделала, Ксюша?! — рычит он сквозь зубы. — Ты хоть думала, что несёшь?! Мне становится страшно. По-настоящему, до противного холода внутри.

Я никогда не видела его таким.

Кажется, ещё немного, и муж меня ударит. Эта мысль режет сознание, как осколок стекла.

— И ты ещё смеешь меня в чём-то обвинять?! — шиплю я в ответ, с трудом заставляя себя смотреть ему прямо в глаза и не отводить взгляд. — Отпусти. Мне больно.

Он сжимает пальцы ещё сильнее, будто проверяет, насколько далеко может зайти, наслаждаясь моим напряжением, а потом резко разжимает ладонь. Я едва удерживаюсь на ногах. Кожа горит в том месте, где был его захват, словно меня обожгли раскалённым металлом.

— Пошли, — коротко бросает мерзавец и почти толкает меня к выходу, не заботясь ни о чём, кроме собственного гнева.

Мы оказываемся на улице. Холодный воздух тут же врезается в кожу, обжигает щёки, лёгкие, пробирается под одежду. Я вздрагиваю, дрожу и судорожно накидываю на себя шубу, которую успела прихватить. Дамир выходит следом, в отличие от меня, без верхней одежды, словно не чувствует ни холода, ни реальности вокруг.

— Что ты, мать его, устроила?! — кричит он так громко, будто ему всё равно, что нас могут услышать редкие прохожие или персонал ресторана.

— Я всего лишь сказала правду, — отвечаю я, стараясь держаться ровно, хотя внутри всё дрожит и сжимается в тугую узел.

— Ты решила мне так отомстить? — горько усмехается он, глядя с насмешкой. — Да?

— Скажем так, — спокойно отвечаю, чувствуя, как слова даются с усилием. — Вывести тебя на чистую воду. Чтобы все знали, кто ты такой и что из себя представляешь.

Предатель делает шаг ко мне, нависает, заполняя собой всё пространство. От него веет холодной злостью и раздражением.

— Ты хоть понимаешь, что натворила?! — орёт Дамир во все горло. — Ты испортила мою репутацию! Теперь об этом будут говорить все! Начнутся сплетни, пересуды, грязь...

— За свои поступки нужно нести ответственность, — произношу я, сузив взгляд и сжимая пальцы в кулаки. — Ты обманывал меня. Делал из меня дуру. Ты... — голос предательски дрожит, но я всё же продолжаю. — Ты заявил своей любовнице, что не любишь меня.

— А ты лучше, Ксения?! — Дамир вспыхивает мгновенно, слова срываются со свистом. — Ты на весь ресторан опозорила меня! Если бы ты меня любила... Ты бы этого не сделала!

Я горько усмехаюсь, почти беззвучно. В этой усмешке вся моя усталость и разбитая вера.

— Если бы ты меня любил... — произношу я тихо. — Ничего бы этого не было.

Предатель смотрит на меня с холодным презрением, словно перед ним стоит совершенно посторонний человек.

— Знаешь, я в который раз убеждаюсь, что любви не бывает, — цедит он. — Сейчас ты это наглядно доказала.

— И правильно, Дамир, — отвечаю я, чувствуя пустоту внутри. — Тебе нельзя любить. У тебя нет сердца. Только ледяная глыба внутри.

Он прищуривается.

— Ты пожалеешь об этом, Ксения.

— Единственное, о чём я жалею, — выдаю тихо, сил нет, чтоб высказаться громче. — Это о том, что вышла за тебя замуж. Это была ошибка. Ты — моя ошибка, за которую я теперь горько расплачиваюсь.

Не дожидаясь от Дамира ответа, разворачиваюсь и иду вперёд, сама не зная куда.

— Я очень разочарован в тебе! — кричит он мне вслед. — Мать была права! Ты — пустышка!

Эти слова бьют больно, очень... Но я не оборачиваюсь.

Заворачиваю за угол, и только тогда силы заканчиваются. Я прислоняюсь к стене, ноги подгибаются, и я медленно сползаю вниз. Холодный асфальт пронзает насквозь, но мне всё равно, внутри пусто.

Я плачу почти беззвучно.

И вдруг ощущаю резкую, острую боль внизу живота. Такую, что перехватывает дыхание.

— Нет... — шепчу я. — Нет, нет, нет... Паника накрывает с головой.

«Пожалуйста... не покидай меня. Только не ты...»

Я пытаюсь встать, но ноги будто отказывают. Мир плывёт перед глазами.

— Девушка, вам плохо? — слышу чужой мужской голос будто сквозь вату.

Я поднимаю взгляд, цепляясь за реальность из последних сил.

— Вы... — голос дрожит. — Вы можете вызвать мне такси? Пожалуйста... Мне нужно в больницу.

Глава 5

Дамир

Этот шум сведет меня с ума. Кажется, что воздух загустел и давит на виски. Сажусь за праздничным столом, натянуто улыбаюсь кому-то напротив, киваю, поднимаю бокал, и чувствую себя полным идиотом. Юбилей, черт возьми. Мой юбилей. Праздник, который должен был быть выверен до секунды, до жеста, до правильного тоста. А вместо этого случилась публичная казнь с аплодисментами.

Я злюсь. Нет, не так. Меня трясёт от ярости. Ксюша, какого хрена ты вообще подслушивала?!

В голове снова и снова всплывает её голос... Такой, мать его, спокойный, слишком спокойный для того, что она сделала. Как она вышла в центр зала, как гости сначала не поняли, что происходит, как кто-то неловко засмеялся, решив, что это шутка, часть сценария. А потом наступила тишина, та самая, звенящая, когда всем вдруг становится ясно: это не игра. Это грязь, вынесенная на свет.

Теперь я чувствую взгляды. Они не прожигают, нет, они короткие, едва заметные, и до мерзости любопытные. Люди смотрят украдкой, перешёптываются, прикрывая рты ладонями, делают вид, что обсуждают вино, музыку, интерьер зала. Я знаю эти взгляды. Я сам так смотрел когда-то на чужие скандалы. Чужие падения всегда кажутся... Занимательными.

— Знаешь, твоя жена никогда умом не отличалась. Надо же учудить такое, — бормочет мать рядом, наклоняясь ко мне.

Её голос вливается в ухо, как комар. Я сжимаю челюсть. Люблю её, правда люблю и уважаю, но сейчас она раздражает до скрежета в зубах. Мне и без неё плохо. Мне хочется тишины, или чтобы все вокруг просто исчезли.

— Хочет развода? Ха! Пускай. Останется с голым задом, клуша. Пусть ищет себе нового спонсора! Ишь какая гордая... — не унимается она.

Голова начинает ныть. Я чувствую, как пульсирует висок, словно кто-то изнутри стучит кувалдой.

— Мам... — устало выдыхаю я. — Давай не будем.

— Ну конечно, мама как всегда не права! — тут же заводится она. — А я тебе сразу сказала: в тихом омуте черти водятся! Сразу почувствовала, что твоя Ксюша не такая простая, как кажется.

Я отворачиваюсь, делаю глоток воды. Горло сухое, будто я камней наглотался. Да, я зол на Ксюшу. Дико зол. Но полоскать её имя вместе с матерью, которая никогда её не принимала — нет, не по моей части, бессмысленно.

Сейчас нужно думать о другом. О слухах.

О телефонах, направленных в её сторону. Я видел, как кто-то из гостей снимал Ксению на видео. Видел краем глаза, но тогда не придавал значения. А теперь это бьёт под дых. Если это видео утечёт... Всё. Репутация, договорённости, имидж примерного семьянина: пиши пропало. В нашем мире не прощают не сам факт измены. Не прощают публичный скандал.

Твою мать.

Я резко бью кулаком по столу. Посуда звякает, кто-то вздрагивает. Мать кладёт тяжелую ладонь мне на плечо.

— Не злись, сынок. Люди посудачат, да забудут. В конце концов, не ты первый имеешь связь на стороне и не ты последний разводишься, — говорит она тоном, будто обсуждает прогноз погоды.

Легче не становится, наоборот, внутри всё кипит. Ощущение такое, будто меня подставили, холодно и грязно. И сделал это человек, которого я считал своим близким.

— Ты подумай о плюсах, Дамирчик, — продолжает мать. — Во-первых, найдёшь себе лучше. Вон девок сколько вокруг красивых! — она машет рукой в сторону зала, словно я уже прямо сейчас могу начать поиски. — А во-вторых, чёрный пиар — это тоже пиар! Громкий развод привлечёт внимание, а внимание — это деньги.

Я почти её не слушаю, мой взгляд цепляется за Виолетту.

Она стоит у колонны, чуть в стороне, и смотрит на меня. Губы тронуты хищной ухмылкой, глаза блестят. Довольна. Конечно довольна. Несколько лет крутила хвостом, строила из себя умницу, понимала с полуслова, смеялась в нужных местах. Я один раз оступился. Один! И что? Это же ничего не значило.

Любви не существует, я это знаю. Всегда знал. Есть физиология, влечение, азарт, желание почувствовать себя живым. А любовь — это

красивая сказка для тех, кто хочет верить. Любой может предать. Любой. Ксюша просто сделала это первой, выставив всё напоказ.

Телефон в кармане начинает вибрировать. Я вздрагиваю, будто меня ударили током. Достая гаджет, смотрю на экран.

Водитель звонит.

— Да, — отвечаю, поднимаясь из-за стола и отходя в сторону.

— Дамир Рустамович, ваша жена только что уехала с каким-то неизвестным мужчиной, — докладывает он, и я невольно замираю, словно в грудак удар получил.

Вот как, значит.

— Номера зафиксировал? — спрашиваю ровно, хотя внутри всё сжимается в тугий узел.

— Да. Уже еду за ними.

— Отлично. Звони, как будут новости.

Сбрасываю вызов и несколько секунд просто стою, глядя в одну точку. В груди поднимается странное, горькое чувство. Злость? Ревность? Удивление?

Ксюша, Ксюша... Значит, ты тоже не такая уж и святая. Пришло время узнать, что ты из себя представляешь на самом деле. И поверь, если я узнаю, тебе не понравится.

Глава 6

Ксения

Я плохо помню, как добралась до больницы. Воспоминания обрываются, будто кто-то вырезал куски плёнки. В голове лишь шум, в теле дикая слабость, такая, что даже вдох даётся с трудом. Помню только, что мне стало плохо прямо на улице. Я не ожидала очередного подвоха от судьбы. Тогда мой мир поплыл, асфальт качнулся, а внутри что-то оборвалось... не физически даже, а глубже.

Потом был мужчина. Случайный, чужой. Он что-то говорил, спрашивал, всё ли со мной в порядке, его голос доносился словно сквозь воду. Помню тёплую ладонь на локте, открытую дверцу машины, запах салона. Я почти не сопротивлялась. У меня не было сил ни на страх, ни на сомнения. Я просто позволила везти себя туда, где, как мне казалось, меня смогут собрать обратно, или хотя бы сказать, что со мной.

Больница встречает суетой. Белые стены, яркий свет, быстрые шаги, обрывки фраз. Меня кладут на каталку, задают вопросы, которых я почти не понимаю.

«Сколько недель?» «Когда начались боли?» «Есть аллергия?»

Я механически отвечаю или просто киваю. Кажется, я смотрю на всё со стороны, как будто это происходит не со мной. Словно я всего лишь пустая оболочка, а настоящая я осталась где-то там, на холодном асфальте, недалеко от ресторана. Там, где остался Дамир. И наш счастливый брак.

Потом... палата. В ней стало тихо. Мне поставили капельницу, накрыли одеялом, слишком лёгким и слишком тяжёлым одновременно.

Ощуаю лишь опустошение.

Такое, что внутри будто ничего не осталось. Ни слёз, ни мыслей, ни чувств.

В один миг моя жизнь обрушилась, как картонный домик. Раз — и нет ничего.

Нет будущего, нет надежд, нет «потом». Только гулкая и звенящая пустота. Бесцельно смотрю в потолок и понимаю: я сломана. Не надломлена, именно сломана, и я даже не знаю, как мне заново собрать себя по кускам.

Дверь палаты распахивается внезапно. Громко, с треском, словно кто-то пытается её выбить.

Я вздрагиваю, поворачиваюсь на звук и вижу, как на пороге стоит разъяренный Дамир.

Его грудь тяжело поднимается и опускается, челюсти сжаты, взгляд тёмный, острый. С его присутствием в палате будто становится тесно. Я даже невольно пугаюсь, честно, не ожидала, что он найдёт меня так быстро. Сердце болезненно сжимается. Неужели он следил за мной? Или кто-то сообщил о том, что я здесь? Бред. Голова плохо соображает, не могу собраться с мыслями. Одно знаю точно — он последний, кого я хотела бы видеть здесь.

— Кто это был? — резко бросает он, делая шаг вперёд. — Кто привёз тебя сюда?!

Он смотрит на меня так... Странно. Ревниво? Глупость. Абсурд. Как человек, который не любит, может ревновать? Наверное, мне показалось. Я слишком слаба, чтобы сейчас разбирать эмоции Дамира.

— Какой-то мужчина, — пожимаю плечами, отвечая буднично, почти равнодушно.

Я правда не знаю, даже лица его не помню, и от этой мысли вдруг становится стыдно. Человек помог, спас, а я даже спасибо не сказала. Но Дамир... почему его это так волнует?

— Не ври, — голос становится жёстче. — Кто он?!

Меня передёргивает. Внутри поднимается волна раздражения и усталости.

— Я не знаю! — вскрикиваю в отчаянии. — Я правда не знаю! Его вопросы кажутся неуместными, глупыми и жестокими.

Неужели он не видит, что мне и без того плохо?! Пришел добить окончательно?!

— У тебя кто-то есть? — он подходит ближе. Слишком близко. — Поэтому ты уехала с ним? Решила выставить меня на посмеище? Плюнуть в душу напоследок?! Браво, Ксения. Мать была права. Ты не так проста, как кажешься. С виду тихоня, а внутри...

— Что ты несёшь? — с горечью усмехаюсь я.

Мне вдруг становится физически плохо от его присутствия. Предатель отравляет воздух в палате, все вокруг, даже мои мысли. Каждое его слово как грязь, брошенная в уже открытую рану.

— Я хочу знать правду, — Дамир нависает надо мной, словно скала. Будто сломать пытаются, а я итак сломлена напополам.

Медленно встаю, ноги подкашиваются, но я держусь. Подхожу к окну, потому что смотреть на Дамира больше не могу.

— Правду? — тихо переспрашиваю я. — Хорошо.

Глотаю ком в горле. Сердце колотится так, будто хочет вырваться наружу. Ты хочешь правду, Дамир? Будет тебе правда. Пусть тебе станет так же больно, как мне сейчас. Пусть хоть на секунду ты почувствуешь то, что чувствую я.

— Только что я потеряла нашего ребёнка, — говорю резко, почти без паузы. — Мне стало плохо прямо посреди улицы. А тот мужчина предложил помощь и отвёз меня в больницу.

Слова безжалостно вылетают из меня, как автоматная очередь. Оборачиваюсь и замечаю, как Дамир меняется в лице. Оно вытягивается, кулаки медленно разжимаются. Взгляд дёргается, словно одна из пуль всё-таки попала в цель.

— Нет... — выдыхает он едва слышно.

Хоть он, как оказалось, и не любил меня, я знаю: ребёнка он искренне хотел и эту реакцию невозможно сыграть. Она настоящая, правда, от этого почему-то ещё больнее.

— Дамир, это конец, — продолжаю я уже сухо, почти бесцветно. — Детей я иметь больше не смогу, поэтому... Тем более не буду нужна тебе такой. На развод подам сама, от тебя мне ничего не нужно. Это... всё. Теперь уходи.

Внутри так горько, что хочется выть, кричать, разбивать стекло. Но я просто стою, держусь из последних сил.

Дамир смотрит на меня так, будто хочет что-то сказать, или будто понял слишком поздно. Этот взгляд сводит грудь, сжимает лёгкие, а я не выдерживаю и отворачиваюсь обратно к окну.

Ночной город живёт своей жизнью. Люди гуляют, смеются, куда-то спешат. Машины едут, фонари горят. Мир не остановился. Только моя жизнь, кажется, закончилась.

Дамир выходит из палаты, не сказав ни слова.

И в этот момент я понимаю: да. Это действительно конец.

Глава 7

Дамир

Внутри меня что-то взрывается. Так глухо, больно и глубоко, что дыхание перехватывает.

Ксения потеряла ребёнка. Слова не сразу складываются в смысл. Они будто застревают где-то между ушами и мозгом, отказываясь становиться реальностью, а потом меня вдруг накрывает.

Резко, без предупреждения. Ярость закипает внутри, вспыхивает мгновенно, как бензин от искры. Мне хочется бить, крушить, ломать всё вокруг. Стены, стекло, людей... Неважно. Руки зудят так, будто кулаки сами ищут чьё-то лицо. Я едва сдерживаюсь, чтобы не напасть на первого встречного, чтобы не врезать охраннику, своему водителю, даже случайному прохожему. Кому угодно, лишь бы выплеснуть это адское напряжение.

Стискиваю зубы до боли. Челюсть сводит, в висках стучит. Какого чёрта?!

Сажусь в машину резко, почти грубо, хлопаю дверью. В салоне будто становится тесно от моего состояния, воздух ощутимо густеет. Я упираюсь локтями в колени, опускаю голову, закрываю глаза. Не помогает. Перед глазами всё равно она...

Ксения. Бледная, но с упрямым, горделивым взглядом. И это проклятое признание.

— Пробил номера машины, — осторожно начинает водитель. — Владельца зовут Круглов Иван Николаевич. Сорок шесть лет, женат, трое детей. Работает слесарем на заводе...

— Хватит, — резко перебиваю я.

Голос звучит жёстче, чем я ожидал, и мужчина тут же замолкает. Понимаю, до тошноты ясно понимаю: Ксения не врала. Этот

мужик не имеет к ней никакого отношения. Никакой это, мать его, не любовник, никакая не интрижка. Просто случайный человек.

— Поехали, — коротко бросаю я. Водитель кивает и трогается с места. — Куда поедem, Дамир Рустамович?

Я смотрю в лобовое стекло. В город, который внезапно становится чужим. В лица людей, которые живут, дышат, идут по своим делам, будто ничего не случилось. И от этого они раздражают лишь сильнее.

— Просто езжай вперёд.

Состояние такое, что хочется волком выть. Не образно, а по-настоящему. В груди ноет, тянет, рвёт изнутри. Как же хреново. Почему-то ощущение такое, будто я потерял не просто ребёнка. Будто у меня вырвали часть меня самого, что-то живое, настоящее. То, о чём я, возможно, даже не успел подумать, но что уже существовало внутри меня.

Да, этот день я запомню надолго. День моего рождения. И день смерти моего ребёнка. Одновременно.

Зашибись.

Ксюша... Ты мастерски уничтожила меня. Просто одним махом, без разбора, без шансов. Я понимаю, что, наверное, в самом деле, спасать больше нечего. Всё развалилось раньше, чем я это заметил. Она хочет развода? А я хочу ли? Какая теперь разница...

Один хрен вокруг нашей семьи поползут грязные слухи. Развод станет логическим концом этой истории, красивым финалом полного провала.

«Найдешь себе лучше... Вон, посмотри, сколько девок вокруг красивых...» — вспоминаются недавние слова матери. Ха. Полно.

Да только все они одинаковые, никто из них не достоин любви. Телефон вибрирует в кармане, и я машинально беру его в руки.

Сообщение от Виолетты.

«Ты где? Тебя давно не видно...»

Я смотрю на экран и чувствую пустоту. Думаю, что ответить, и стоит ли отвечать вообще. В голове хаос: осколки мыслей, злость, боль, усталость. А потом я поднимаю взгляд и вижу впереди гостиницу, при ней также находится и ресторан. Вывеска светится ровно и спокойно, будто манит.

— Тормозни здесь, — даю указ, и машина останавливается.

— На сегодня свободен, — коротко отрезаю водителю и выхожу, не оборачиваясь.

Холодный воздух бьёт в лицо, немного отрезвляет, но ненадолго. Я снова включаю экран телефона, снова смотрю на сообщение

Виолетты.

И снова перед глазами встает Ксения. Её лицо, глаза, и слова о том, что она больше никогда не сможет стать матерью.

Ты сделала мне больно.

Значит... Я сделаю тебе больно в ответ, хоть ты и никогда не узнаешь об этом.

Пальцы быстро набирают ответное сообщение. «Проспект Мира, 71. У тебя есть полчаса.»

Сухо, требовательно, без объяснений. Я знаю, что Виола сорвётся, прилетит хоть на край света. Всегда так было.

Ответ приходит почти сразу. «Ок. Уже еду.»

А я даже и не сомневался.

Убираю телефон обратно в карман и захожу в ресторан. Внутри тепло, приглушённый свет, тихие разговоры, звон посуды.

— Столик на двоих, пожалуйста, — безжизненным тоном выдаю я.

Девушка кивает и провожает меня к небольшому столику в самом углу. Я сажусь, ослабляю узел галстука, откидываюсь на спинку кресла. Тело кажется тяжёлым, будто налитым свинцом.

— Что-нибудь покрепче, — устало произношу я официанту, даже не глядя на него, а куда-то в никуда.

Впервые за долгое время я ощущаю себя ничтожеством, слабым и потерянным. И какого-то хрена впервые понимаю, что в этом есть и моя вина тоже.

Смотрю на пустой стол перед собой и понимаю, что назад дороги нет.

Глава 8

Ксения

Четырехмесяца спустя

Стою перед зеркалом и внимательно осматриваю своё отражение, придирчиво, почти профессионально. Медленно поворачиваюсь боком, затем снова лицом, чуть наклоняюсь, выпрямляю плечи. Живот пока ещё небольшой, но я вижу его и чувствую. Знаю, где именно он может выдать меня неосторожным движением или неправильным светом.

Свободная рубашка мягко ложится по фигуре, не подчёркивая талию. Сверху натягиваю чёрный жилет, строгий, с чёткими линиями, визуально вытягивающий силуэт. Брюки прямые, удобные, деловые. Всё выглядит стильно, сдержанно, без намёка на излишнюю женственность. Ровно так, как нужно.

Снова кручу себя перед зеркалом, проверяя со всех сторон, под разными углами. Наклоняюсь, будто что-то поднимаю, затем распрямляюсь. Никаких подозрительных округлостей. Отлично.

О моей беременности знают единицы, только родные и близкие, и я хочу, чтобы так осталось как можно дольше. Это моя тайна, моя жизнь и моё решение.

В этот момент внутри происходит лёгкий, едва уловимый толчок. Я замираю, а потом невольно улыбаюсь, прижав ладонь к животу.

— Привет... — шепчу тихо, почти неслышно.

Этот жест всегда действует на меня одинаково. Напоминает, что я не одна, что во мне есть жизнь, что даже в самые одинокие моменты внутри меня есть кто-то, кто нуждается во мне и уже любит меня без условий. И пусть рядом нет второй половинки, теперь это не кажется таким пугающим, как раньше.

Беру сумку, документы, ещё раз бросаю взгляд на себя в зеркало и выхожу из квартиры.

По дороге на работу стараюсь не думать о сегодняшнем дне, но получается плохо. Мысли всё равно возвращаются к одному и тому же, кружат, как назойливые птицы. Я делаю глубокий вдох и напоминаю себе: это всего лишь работа. Интервью, не больше.

В офис захожу ненадолго, только чтобы поздороваться, отметить, показать, что я на месте. Коллеги кивают, улыбаются, кто-то машет рукой. Всё как обычно, и в этом есть что-то успокаивающее.

— Ксюш, ты как? Сильно нервничаешь? — спрашивает Оля, подходя чуть ближе.

Я знаю этот взгляд, внимательный, чуть изучающий. С Олей я ближе всего общаюсь, и, возможно, она что-то подозревает, но не может или стесняется сформулировать.

Я деликатно улыбаюсь и отвечаю ровно, даже глазом не моргнув: — Нет, что ты. Всё в порядке.

И это почти правда, если не копать глубже и не думать о том, что я почти не спала несколько ночей подряд.

Дело в том, что сегодня я беру интервью у своего бывшего мужа. У Дамира. Мы все же развелись с ним два месяца назад. Громко, болезненно, со скандалами, адвокатами, заголовками в новостях. А ещё... Он — отец моего будущего ребёнка.

И об этом Дамир не знает.

Я сама сказала ему тогда, что потеряла ребёнка. Сорвалось с губ легко, слишком легко. Зачем? Наверное, из желания отомстить. За боль, за предательство, за то чувство пустоты, в которое он мне подарил.

Эгоистично? Возможно. Не мудро? Скорее всего. Но тогда я не видела другого выхода.

Я точно знала: если Дамир узнает о беременности, он не даст мне развода. Никогда. Он будет давить, уговаривать, манипулировать, обещать. А я не была готова снова оказаться в его клетке, пусть даже золотой.

Процесс и без того затянулся. То ошибка в документах, то внезапные проблемы, то какие-то странные задержки. Мне казалось, Дамир нарочно тянет время. Может быть, так и было, но в итоге развод всё же случился, измотав все мои нервы.

Облегчения, правда, это не принесло.

Внутри меня до сих пор живёт ощущение пустоты. Как будто есть какая-то часть, которая уже никогда не заполнится. Я учусь с этим жить, учусь не оглядываться назад.

Шумиха вокруг нашего развода быстро сошла на нет. Людям всегда нужны новые скандалы, поэтому внимание толпы быстро переключилось на другие события.

— Ладно, я поехала. Всем хорошего дня! — бодро произношу я, забирая со стола папку с документами.

Внутри находится список вопросов, которые я сегодня буду задавать Алиеву. Они тщательно выверенные, профессиональные, без намёка на личное. Повод для интервью более чем серьёзный: Дамир — владелец крупной строительной компании, запускает масштабный социальный проект и телеканал заинтересован в материале. Будет съёмочная группа, камеры, свет. Все официально. Ух... Выдержать бы все это. Но назад дороги нет.

— Удачи тебе, — мягко произносит Оля.

Она смотрит на меня так, будто догадывается о чём-то большем. Мне становится неловко, даже своему начальнику я ещё не

сказала о беременности. Решила, что сделаю это на днях, после интервью, чтобы не плодить слухи и не смешивать всё в одну кучу.

Когда мне предложили взять интервью у Дамира, я согласилась почти сразу. Не потому, что скучала, просто я всегда умела отделять работу от личной жизни. По крайней мере, думала, что умею.

И вот я подъезжаю к месту встречи.

Деловой центр: стекло, металл, холодная современность. Я выхожу из машины, делаю глубокий вдох, и в этот момент внутри что-то предательски дрогнуло.

Малыш легонько пинается, словно чувствует и понимает, что скоро встретится с папой.

Я захожу внутрь.

Лифт, длинный коридор, затем серые двери. И вот...

Он стоит напротив. Все такой же безупречный и чертовски привлекательный. Взгляд до костей прожигает.

— Здравствуй, Ксения, — произносит Дамир своим мягким баритоном и протягивает руку.

Я вкладываю свою. Короткое, официальное рукопожатие, но в этот момент понимаю: как бы глубоко я не прятала чувства, они всё равно живы. Они не исчезли, просто затаились.

Но это ничего не меняет. Это всего лишь моя работа, которую я обязана выполнить безупречно.

Глава 9

Ксения

Ещё недавно я бы даже и подумать не могла, что мы с Дамиром будем находиться друг напротив друга в его кабинете.

Оглядываюсь вокруг, чтобы сместить фокус внимания куда угодно, только не на бывшего мужа. Просторный, светлый кабинет, с панорамными окнами и видом на город, который будто лежит у ног Алиева. Почему-то мне кажется, что этот кабинет идеально отражает Дамира: холодная уверенность, сила, контроль. Ранее я здесь бывала всего пару раз, но именно сейчас мне удастся рассмотреть каждую деталь. Взгляд продолжает блуждать по пространству, будто бы нарочно пытается зацепиться за что угодно, только бы не смотреть на Дамира.

Не смотреть. Не чувствовать. Не подавать виду. Мы садимся на диваны друг напротив друга.

Телевизионная камера стоит чуть сбоку, оператор ловит ракурсы, режиссёр негромко даёт указания. Красная лампочка загорается, которая означает, что съёмка началась.

Выпрямляю спину ещё сильнее, будто внутри меня включается невидимый стержень. Улыбка профессиональная и отработанная, взгляд прямой, ровный. Я здесь как журналист, не более.

Повторяю это себе снова и снова.

Дамир сидит расслабленно, но собранно. Костюм сидит на нём безупречно, руки спокойно сложены на столе. Дамир смотрит прямо на меня не скользя, не отводя взгляда. Его глаза прожигают до мурашек, и мне стоит огромных усилий не дрогнуть.

Мне непросто смотреть ему в глаза, честно признаюсь.

Потому что за этой уверенной маской я слишком хорошо знаю человека. Потому что память услужливо подсовывает другие сцены: кухню по утрам, его рубашки, запах парфюма и табака, тембр голоса. Потому что моё тело реагирует быстрее разума, и это бесит.

Но я все равно сглатываю и начинаю.

— Дамир Рустамович, вы владелец одной из крупнейших строительных компаний региона. Совсем недавно стало известно о

запуске вашего нового социального проекта. Расскажите, в чём его суть?

Голос звучит уверенно, даже сама удивляюсь, насколько идеально получается.

Он слегка кивает, будто подтверждая: вопрос ожидаемый.

— Наш проект направлен на строительство доступного жилья для молодых семей и специалистов социальной сферы. Мы говорим не просто о квадратных метрах, а о полноценной инфраструктуре: школы, детские сады, медицинские центры. Это долгосрочная инвестиция в будущее города.

Дамир говорит спокойно, чётко, без пауз. Так, словно репетировал этот ответ не один раз. Я знаю эту манеру: он всегда готовится заранее, всегда просчитывает все наперед.

— Многие отмечают, что для бизнеса подобного масштаба социальные проекты — скорее исключение, чем правило. Что стало для вас ключевым мотивом? — задаю следующий вопрос.

— Ответственность, — не задумываясь отвечает Алиев. — Когда ты достигаешь определённого уровня, ты понимаешь, что можешь и должен делать больше, чем просто зарабатывать. Это вопрос зрелости бизнеса и личной позиции.

Камера медленно приближается, ловя наши лица. Я чувствую жар под кожей, но не позволяю себе ни малейшего сбоя.

— Проект уже вызвал широкий общественный резонанс. Планируете ли вы расширять его географию?

— Да. В перспективе имеется выход за пределы региона. Мы уже ведём переговоры с партнёрами и администрациями нескольких городов.

Дамир смотрит на меня внимательно, будто ищет что-то между строк. Я отвечаю тем же спокойно и профессионально, будто между нами никогда не было ничего личного.

Хотя это ложь.

Вопрос за вопросом. Экономика, сроки, инвестиции, команда, риски. Я задаю их чётко по списку, не сбиваясь, не давая себе задуматься лишний раз. Бывший отвечает так же безупречно: уверенно, гордо, почти без эмоций.

Интервью длится более двух часов. Я безумно устала, будто бы работала целые сутки. И если внешне я этого не показываю, то внутри

я выжата без остатка.

И вот остается последний рывок. Я делаю вдох.

— Благодарю вас за развёрнутые ответы, — произношу я, и режиссёр уже почти расслабляется.

И тут...

— Дамир Рустамович, — слова срываются сами, прежде чем я успеваю их остановить. — Думаю, этот вопрос также волнует многих. Как же обстоят дела у вас в личной жизни?

Чёрт.

В ту же секунду я прикусываю язык. Дура. Какая же я дура!

Этого вопроса нет в списке, его не должно быть. Он личный, опасный, совершенно лиш- ний. От стыда меня будто окатывают кипятком. Хочется провалиться сквозь пол, исчезнуть, стереть последние пять секунд. Боже, кто тянул меня за язык?!

И камера всё ещё пишет.

Я же смотрю на Дамира так, словно это было частью плана. Ничего особенного, подума- ешь, обычный светский вопрос.

А внутри меня стремительно растёт паника.

Дамир на секунду приподнимает бровь, выказывая тень удивления, а затем медленно ухмыляется. Улыбка хищная, знакомая до боли. Та самая, от которой когда-то у меня снесло голову.

— В личной жизни у меня всё прекрасно, — произносит спокойно, не отводя от меня взгляда. — Я предпочитаю не выставлять её напоказ.

Каждое слово ощущается как укол. Прекрасно.

Я едва заметно киваю, собираясь перевести разговор, закрыть тему, спасти ситуацию...

И в этот момент дверь кабинета открывается.

— Дамир Рустамович, подпишите, пожалуйста... — раздаётся женский голос.

Я поворачиваю голову, в кабинет входит Виолетта. Да, та самая пресловутая помощница Дамира. И, судя по всему, по-прежнему его любовница.

Строгое чёрное офисное платье подчёркивает фигуру, безупречная причёска, уверенная походка. И... живот. Округлый, уже явно заметный, его невозможно не увидеть, он словно кричит о себе.

Мне кажется, я перестаю дышать.

Виолетта останавливается, замечая камеру. На её лице мелькает тень замешательства, но она быстро берёт себя в руки.

Дамир даже не сразу оборачивается, будто ждал этого момента, будто бы... Хотел, чтобы я увидела. Лишь потом спокойно переводит взгляд в её сторону.

— Позже, Виолетта, — произносит едва слышно.

Она беременна... Возможно, у нас даже одинаковые сроки. Мне становится нехорошо.

Камера продолжает снимать, а я сижу с идеально ровной спиной, с каменным лицом, с профессиональной улыбкой, которая вот-вот треснет.

Смотрю на этот стол, на руки бывшего, на это чёртово дорогое кресло и понимаю: как бы я ни готовилась, как бы ни убеждала себя, что это просто работа... К такому повороту я готова не была.

Глава 10

Ксения

Продолжаю что-то говорить, и ловлю себя на том, что почти не слышу собственный голос. Слова вылетают на автомате. Профессионализм — это единственное, что сейчас держит меня на плаву. Камеры, свет, оператор, микрофон... всё это создаёт иллюзию защиты, будто между мной и реальностью натянута тонкая, но прочная плёнка, которая не дает мне упасть вниз.

По коже пробегает дрожь, ладони мгновенно холодеют, а внутри что-то сжимается так сильно, что становится трудно дышать. Сердце делает болезненный толчок и следом замирает на долю секунды. Мне не нужно гадать, чей это ребёнок. Мысли даже не дергаются в разные стороны. Всё предельно ясно.

«В моей личной жизни всё прекрасно...»

Слова Дамира вспыхивают в голове яркой, ядовитой вспышкой. Прекрасно. Конечно. Просто идеально.

Я заставляю себя дышать, не поддаваться панике, не показать ни единой эмоции.

В конце концов, Дамир разведённый, свободный мужчина. Он вправе делать всё, что ему захочется. Встречаться с кем угодно, заводить отношения и даже детей.

«Ты ведь тоже можешь, Ксения.»

Я повторяю это про себя, как заклинание. Снова и снова. Вот только почему-то мысль о другом мужчине даже не приходит мне в голову, даже нет желания предпринимать какие-либо попытки.

Нет. Всё. Точка.

Мы с Дамиром развелись. У каждого из нас теперь своя жизнь. У меня — особенно.

В этот момент ощущаю легкий пинок изнутри, словно сынок пытается меня поддержать, сказать «мам, я рядом.»

Мой любимый и долгожданный. Ради него я обязана быть сильной. У меня есть, ради кого жить. Всё остальное неважно: прошлое, боль, бывший муж.

Тогда почему, чёрт возьми, мне равно так невыносимо больно?! Почему внутри будто рвут живьём? Почему этот чёртов живот Виолетты так врезался в сознание, словно удар в спину?!

Я ведь могла отказаться от интервью. Могла поручить его той же Оле, или любому другому журналисту. Но я согласилась сама, осознанно.

Зачем?

Чтобы, мать его, убедиться, что до сих пор равнодушна к бывшему мужу.

Господи, какая же я глупая идиотка.

От этой мысли меня накрывает злость, глухая и тягучая. Я злюсь на всех вокруг, но сильнее всего — на Дамира. Потому что он получил то, что хотел. Он доволен, спокоен и счастлив.

А я?

— Что ж, на этом у меня всё, — произношу я сухо, и собственный голос звучит хрипло. — Спасибо за уделённое время, Дамир Рустамович.

— И вам спасибо, Ксения Сергеевна, — отвечает бывший.

Его взгляд томный, пристальный. В голосе слышится лёгкая хрипотца. Будто он смакует мою реакцию. Будто знает, что мне снова больно. И ему... нравится? Возможно.

— Стоп! Снято! Всем спасибо! — объявляет оператор. Только тогда я позволяю себе чуть выдохнуть.

Хотя бы сейчас на мне больше нет прицела камер. Хотя бы здесь можно быть живой, пусть и сломанной.

Я встаю, и меня слегка ведёт в сторону. Мир качается, как палуба, в голове шумит.

Беременность у меня протекает не критично, но слабость бывает. Иногда это случается резко и неконтролируемо. На ранних сроках я даже пару раз теряла сознание.

Наверное, это просто нервы. Да, нервы и бессонные ночи. Вот и все.

— Может, воды? — замечает Дамир, приподнимая бровь. Ну конечно. Галантность включена вовремя.

— Нет, спасибо, — коротко бросаю я. — Всего доброго. Он протягивает руку.

Я машинально отвечаю, и тут же жалею.

Касание обжигает. Потом по коже словно проходит болезненный разряд.

Я дёргаю руку назад, будто меня и правда ударило током.

— Всего доброго, — повторяет бывший муж, не сводя с меня взгляда.

Я отворачиваюсь и иду к выходу из кабинета, но не тут-то было. Виолетта снова заходит внутрь с бумагами, почти врежаясь в меня. — Дамир Рустамович, вы закончили? Это срочно!

Я едва не сталкиваюсь с ней лоб в лоб. И снова этот живот... Взгляд цепляется за него против воли, как магнитом тянет. Сердце

сжимает неприятной судорогой.

Мы встречаемся глазами, и я сразу чувствую это колкое презрение, хищную надменность.

Так смотрят победители. Так смотрят те, кто уверен в своём превосходстве.

Мне становится жутко, я буквально вылетаю из кабинета, не разбирая дороги. В глазах снова предательски темнеет, воздуха не хватает.

Я иду вперёд, цепляясь взглядом за стены, ища спасительный указатель. Мне нужно спрятаться в уборной, просто необходимо умыться, успокоиться, подышать.

Всё закончилось. Ты молодец, Ксюша. Ты почти справилась, держалась стойко. Ну да, тот вопрос про личную жизнь был глупым и неуместным, но в целом все прошло хорошо.

Давай, держись, осталось совсем чуть-чуть... Я вижу значок женской уборной, вот она. Совсем рядом.

Делаю шаг, и в этот момент ноги предают меня.

Они просто подкашиваются, словно меня выключили. Перед глазами резко вспыхивает темнота, и я больше ничего не чувствую.

Глава 11

Дамир

— Дамир Рустамович, по отчётам за квартал нужно ваше подтверждение, ещё юристы ждут подписи, и по поставщикам... — Виолетта маячит передо мной, не давая прохода, трещит без пауз, будто боится, что если замолчит хоть на секунду, то я исчезну.

Бла-бла-бла.

Я слышу слова, но не смысл. Фразы пролетают мимо, не задевая, а монотонный голос девушки дико раздражает. Потому что в голове у меня только одно имя.

Ксения.

Она стоит перед глазами так чётко, будто всё ещё здесь, в моем кабинете. С этой своей прямой спиной, спокойным взглядом, холодной вежливостью. Ни дрожи, ни злости, ни боли... по крайней мере, снаружи.

Ничуть не изменилась, хотя нет. Изменилась. Стала... чужой.

Держалась так, будто я для неё никто, прохожий, временное неудобство. По сути, так и есть, ведь я ее бывший муж, вычеркнутый из жизни. Но, чёрт возьми, именно это и зацепило

сильнее всего. Если бы вспыхнула, съязвила, пыталась задеть. Если бы хоть что-то... Было бы проще.

А она ровная, холодная, собранная, словно манекен, который не чувствует ничего. И от этого злость начинает медленно подниматься изнутри. Глухая, неприятная до жути.

Она живёт без меня, дышит, ходит на работу, берет интервью, улыбается.

Живёт своей чёртовой жизнью. И в какой-то момент до меня доходит простая, мерзкая истина: с разводом что-то поменялось не в её жизни.

А во мне, мать вашу.

Мелкие интрижки больше не цепляют. Женщин куча, но они все как под копирку. Разные лица, одинаковые реакции, одинаковые стоны, одинаковая пустота после. Виолетта так и осталась просто

помощницей. Удобной, исполнительской, готовая всегда утешить меня, когда мне грустно: ни больше ни меньше.

А стоило Ксении появиться, и что-то ёкнуло против воли, против логики.

Честно? У меня ощущение, будто она нарочно решила взять у меня это интервью. Чтобы показать: «смотри, мне без тебя прекрасно, не то что тебе.»

А вопрос о личной жизни... Контрольный выстрел, черт бы ее побрал. Словно она заранее его заготовила, знала, куда бить. Знала, что именно этот вопрос почему-то зацепит меня больше всего.

Нет, я не умираю без Ксении, не хочу драматизировать. Но всё это время ощущение такое, будто от меня оторвали кусок. Не аккуратно, просто безжалостно вырвали, порвали в клочья и унесли с собой.

Она унесла.

А теперь набралась смелости явиться снова, чтобы снова всё пошло по наклонной, чтобы я охренел и не мог больше ни о чём думать.

— Дамир Рустамович, вы меня слышите? — Виолетта повышает голос.

Я останавливаюсь резко, поворачиваюсь к ней.

— Виолетта, я сказал, всё потом, — рявкаю довольно грубо.

Она замирает. Обиделась или испугалась, мне плевать. Один хрен всё схавает.

Я разворачиваюсь и иду вперёд. Меня тянет к ней, магнитом, мать его.

И вот вопрос: а что я вообще скажу Ксении? «Как дела?»

Или: «Почему ты такая гордая и независимая без меня?»

Или, может: «Почему у меня до сих пор ноет под рёбрами, когда я тебя вижу?»

Бред.

Я почти заставляю себя остановиться. вернуться и пойти в кабинет, вникнуть в отчёты, делать то, что умею лучше всего — контролировать, управлять, держать всё под собой.

Я не бегаю за женщинами, никогда. И сейчас не собираюсь, ещё чего.

Я уже делаю движение, чтобы развернуться, как вдруг вижу... Как Ксению шатает.

Она идёт по коридору и вдруг хватается за стену. Пальцы скользят по гладкой поверхности, плечо оседает.

Что такое? Неужели оборона пала? Да нет же, ей реально хреново.

Я вспоминаю, как она побледнела, когда увидела Виолетту, как губы стали почти белыми. Тогда почти не придавал этому значения.

Теперь... придаю.

Иду за ней следом быстро, почти бегом. За несколько секунд я преодолеваю половину коридора. Успеваю поймать её, когда Ксения начинает падать.

Тело в руках лёгкое, и моё сердце сбивается с ритма, будто кто-то нажал не верную кнопку, и оно выдало сбой.

Твою мать...

— Ксения... — вырывается у меня сквозь зубы.

Она без сознания. Ты чего в обмороки мне тут падаешь, а? Встреча со мной стала для тебя таким потрясением?

Или...

Я подхватываю её на руки, в коридоре появляется кто-то из сотрудников.

— Скорую, срочно! — бросаю приказным тоном. — Живо! Этот безликий человек кивает и исчезает.

Никого сейчас не вижу. Только цель — донести Ксению в комнату отдыха. Укладываю на диван, аккуратно, но быстро. Надо привести её в чувство до приезда врачей. Наливаю воду, набираю в рот и выплёскиваю ей на лицо, а ладонью слегка бью по щекам.

— Ксения, очнись! — голос срывается, и меня это бесит, ненавижу, когда что-то выходит из-под контроля. Особенно, если это касается бывшей жены.

Она не реагирует. Чёрт!

Я решаю расстегнуть верхние пуговицы её рубашки, снимаю жилет. В офисе и правда душно, но думаю, что дело не в этом. Я это чувствую каким-то необъяснимым способом.

И тут мой взгляд цепляется за одну деталь.

Небольшой бугор в области живота. Почти незаметный, если не знать, под одеждой и не заметишь. Но теперь-то я знаю... Кладу ладонь на него, и меня будто током прошибает.

Резко. Больно. Необратимо.

Она беременна. Ксения, мать вашу, беременна! Бе-ре-мен-на.

Мир на секунду останавливается, а потом ломается окончательно. Ай-яй-яй, Ксения. Ты у нас, оказывается, ещё и лгунья. Маленькая вредная лгунья...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.